

и к ЭРИСТИКА

или Е 116
347
ИСКУССТВО СПОРИТЬ.

НЕ КОПИРОВАТЬ

А. Шопенгауера.

ВВЕДЕНО

Кн. Д. Церетелевым.

Москва.

Университетская типография, Страстной. Буль.

1889.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Часто случается слышать мнѣніе о совершенной бесполезности споровъ, что не мѣшаетъ обыкновенно даже сторонникамъ этого мнѣнія вступать въ горячіе споры хотя бы относительно самой этой бесполезности. Не спорятъ только тогда, когда не встрѣчаютъ противорѣчія или не интересуются даннымъ вопросомъ.

Если бы въ спорѣ всегда выяснялась истина и побѣда оставалась за правымъ, споръ былъ бы нравственною обязанностью каждаго добросовѣстнаго челоѣка. Въ дѣйствительности это не такъ, и побѣда далеко не всегда обусловливается правотою защищаемаго мнѣнія; большею частью первую роль играетъ искусство и знанія защитника. Но если нельзя всегда сказать въ этомъ смыслѣ: *du choc des opinions jaillit la vérité*, и въ большинствѣ случаевъ кто бы ни былъ правъ, каждый остается при своемъ

мѣнѣи, это не должно мѣшать намъ признать несомнѣнную пользу споровъ веденныхъ серьезно и добросовѣстно, пользу состоящую въ томъ, что спорящіе неизбежно должны шире и разностороннѣ относиться къ предмету, такъ что нерѣдко, открываютъ передъ ними такія стороны вопроса, которыя ускользнули бы отъ нихъ, еслибы каждый ограничился одинокимъ изученіемъ вопроса.

Но для того, чтобы споръ могъ имѣть положительное значеніе, необходимо, чтобы онъ велся сколько-нибудь правильно съ соблюденіемъ основныхъ логическихкихъ требованій, а не переходилъ въ голословныя утвержденія и голословныя отрицанія, сопровождаемыя нападками на личность противника; въ послѣднемъ случаѣ споръ окажется не только безплоднымъ, но вредной тратой времени, возбуждающей лишь мелкія страсти спорящихъ.

Какое громадное значеніе имѣли логика и діалектика въ древнемъ мірѣ, можно видѣть изъ діалоговъ Платона и логическихкихъ изслѣдованій Аристотеля.

Едва ли не еще большее значеніе получаетъ изученіе логики въ теченіи среднихъ вѣковъ, но здѣсь

оно направляется почти исключительно на внѣшнюю формальную сторону мышленія. Скованная внѣшней формой, лишенная самостоятельнаго содержанія, средне-вѣковая схоластика теряется въ подробностяхъ, неизмѣняющихъ интереса для людей, стоящихъ внѣ ея замкнутого круга.

Отсюда понятна реакція противъ нея новой философіи, заставляющая Декарта выбросить за бортъ, какъ безполезныя, логическія формулы, неизбѣжныя со временъ Аристотеля, чтобы замѣнить ихъ нѣсколькими простыми и общедоступными правилами. Однако уже Лейбницъ жалуется на то, что пренебреженіе къ формальной логикѣ идетъ слишкомъ далеко и указываетъ на то, что многіе споры не оставались бы столь безплодными, если бы только противники дали себѣ трудъ обратить ихъ въ формальные аргументы.

Несмотря на это, логика, какъ систематическое мышленіе и аргументація, все болѣе вытѣсняется такъ называемой «логикой фактовъ», которая гораздо доступнѣе и привлекательнѣе, такъ какъ почти всегда состоитъ лишь въ болѣе или менѣе искусномъ подборѣ фактовъ, изъ которыхъ каждый выводитъ за-

тѣмъ, что ему вздумается; а такъ какъ тоже самое и съ такимъ же правомъ можетъ сдѣлать его противникъ, то споръ и сводится на такую почву, гдѣ доказать ничего невозможно и гдѣ каждый, если не можетъ рассчитывать на побѣду, по крайней мѣрѣ совершенно застрахованъ отъ пораженія.

Только въ одной сферѣ современной жизни сохранилось еще требованіе болѣе или менѣе строгой логической формы, а именно въ судѣ. Въ сущности каждый процессъ есть силлогизмъ, въ которомъ одна посылка дана закономъ а другая должна содержаться въ обстоятельствахъ дѣла. Задача суда — найти средній терминъ, который обуславливаетъ необходимость заключенія, т. е. приговора или рѣшенія.

Бъ сожалѣнію, условія и цѣль судебного краснорѣчія вообще и въ современномъ процессѣ въ особенности превращаютъ обыкновенно діалектику, необходимую для освѣщенія истины, въ софистику, преслѣдующую совершенно постороннія цѣли.

Но если отвлеченныя діалектическія тонкости, занимавшія древнихъ Грековъ, потеряли, повидимому, всякій интересъ въ глазахъ современнаго общества — оно не перестаетъ однако то и дѣло безсознательно поль-

зоваться ими въ спорахъ. Вотъ почему Эристика Шопенгауэра, представляющая въ сжатой и относительно доступной формѣ нѣкоторые изъ діалектическихъ приѣмовъ, не лишена и для нашей публики интереса, несмотря на то, что, какъ сочиненіе помертвое, она не вполне отдѣлана, содержитъ въ себѣ нѣкоторыя повторенія и вообще не носитъ характера той художественной законченности, которыми отличаются другіе труды Шопенгауэра. Но какъ справедливо замѣчаетъ Фрауэнштедтъ «Эристика» имѣетъ значеніе въ томъ отношеніи, что она открываетъ сторону человѣческой природы, хотя и не похвальную, но такую, которая играетъ однако немаловажную роль въ духовномъ взаимодействіи людей и которую надо знать, чтобы защищаться противъ нея. Всѣмъ тѣмъ, кого ихъ призванія или общественное положеніе приводитъ въ столкновение со стремленіемъ людей казаться правыми во что бы то ни стало (Rechthaberei), полезно будетъ узнать тѣ стереотипныя хитрости и уловки, которыми пользуются это стремленіе и средства для отраженія ихъ.

Манускриптъ Эристики, напечатанной впервые Фрауэнштедтомъ, вскорѣ послѣ смерти Шопенгауэра,

вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими статьями (Aus Arthur Schopenhauer's handschriftlichem Nachlass. Leipzig. Brockhaus 1864) по мнѣнію издателя относится къ 1820 г. Позднѣе, когда Шопенгауэръ, вздумалъ пересмотрѣть эту работу, онъ уже не нашелъ нужнаго настроенія, чтобы довести ее до конца.

Кн. Д. Цертелевъ.

I.

ЭРИСТИКА.

Логика и діалектика употреблялись уже древними какъ синонимы, хотя λογίζεσθαι обдумывать, обсуждать, рассчитывать и διαλέγεσθαι разговаривать, вещи весьма различныя.

Это употребленіе словъ логики и діалектики какъ синонимовъ сохранилось и въ теченіе средних вѣковъ и дошло до нашего времени. Однако въ новыя времена нѣкоторые, особенно Кантъ, часто употребляли слово діалектика въ дурномъ смыслѣ, какъ «софистическое искусство спора» и потому предпочитали названіе логики, какъ болѣе невинное. Но оба въ сущности означаютъ одно и то же, и въ послѣдніе годы ихъ опять уже стали считать синонимами.

Жаль, что діалектика и логика издревле употреблялись какъ синонимы, и потому я не вполнѣ свободенъ и не могу раздѣлить, какъ хотѣлось бы, ихъ значеніе и опредѣлить логику какъ «науку о законахъ мышленія, т.-е. способахъ дѣйствія разума», (отъ λογίζεσθαι, обдумывать, рассчитывать, происходящаго въ свою очередь отъ λόγος, разумъ

или *слово* — понятій неразрывно связанных) и *диалектику* (употребляя это слово въ современномъ смыслѣ) какъ «искусство спорить или бесѣдовать» (отъ *διὰ λέγεσθαι*). Но каждая бесѣда состоитъ въ сообщеніи фактовъ или мнѣній, т.-е. бываетъ историческою, или же представляетъ собой обсужденіе чего-либо. Такимъ образомъ очевидно, что логика имѣетъ предметъ дан- ный вполне а priori, безо всякой эмпирической при- мѣси — законы, мышленія, способъ дѣйствія разума — законы которымъ разумъ слѣдуетъ предоставленный самому себѣ, когда ему ничто не мѣшаетъ, слѣдова- тельно при одинокомъ мышленіи разумнаго существа, которое ничѣмъ не вводится въ заблужденіе. Диалек- тика, напротивъ того, разсматривала бы совмѣстную дѣятельность двухъ разумныхъ существъ, которыя думаютъ вмѣстѣ, а отсюда непременно слѣдуетъ *споръ*, т.-е. духовная борьба, если только они не- согласны между собою, какъ вывѣренные часы. Какъ чистый разумъ оба индивидуума должны бы были согласны; ихъ разногласіе зависитъ отъ различій присущихъ индивидуальности, а потому есть элементъ эмпирическій.

Логика, науку мышленья, т.-е. дѣятельности чиста- го разума можно бы построить вполне а priori; диалектику же большею частью только а posteriori, изъ опытнаго познанія тѣхъ измѣненій, которыя претер- пѣваетъ чистое мышленіе, вслѣдствіе различія индиви- дуальностей при совмѣстномъ мышленіи двухъ разум-

ныхъ существъ, а также тѣхъ средствъ, которыми каждый изъ нихъ пользуется, чтобы выставить свое индивидуальное мышленіе, какъ чистое и объектив- ное. Это потому, что человѣку свойственно при сов- мѣстномъ мышленіи *διὰλέγεσθαι*; т.-е. какъ только онъ, при обмѣнѣ мнѣній (за исключеніемъ разговоровъ историческихъ), узнаетъ, что мысли другаго различны отъ его собственныхъ о томъ же предметѣ, онъ сначала не провѣряетъ собственнаго мышленія, чтобы найти въ немъ ошибку, а предполагаетъ ее въ мышленіи другаго, т.-е. человѣкъ по природѣ своей хочетъ всегда быть правымъ; тому же, что вытекаетъ изъ этого свойства, учить отрасль науки, которую я хотѣлъ бы назвать диалектикою, но которую, во избѣжаніе недоразумѣній, назову *эристическою диалектикою*. Она, такимъ образомъ, есть ученіе о стремленіи человѣка всегда казаться правымъ. «Эристика» была бы только болѣе жесткимъ названіемъ того же предмета.

Эристическая диалектика есть искусство спорить, и спорить такъ, чтобы всегда оставаться правымъ, слѣдовательно, per fas et nefas. Въ существѣ дѣла объективно можно быть правымъ, и все-таки въ глазахъ присутствующихъ, а иногда и въ своихъ собственныхъ, остаться неправымъ: это бываетъ тогда, когда противникъ опровергаетъ мое доказательство и это опроверженіе сходить за опроверженіе спор- наго положенія, въ пользу котораго могутъ, однако, существовать другія доказательства; въ такихъ слу-

чаяхъ положеніе противника разужается обратное: онъ оказывается правымъ, будучи объективно неправъ. Итакъ, объективная истина спорнаго положенія и сила его въ глазахъ спорящихъ и слушающихъ вещи различны; эристическая діалектика зиждется на послѣдней.

Еслибы не было зла въ человѣческой природѣ, еслибы мы были вполне честны при всякомъ разнорѣчій, мы стремились бы только къ тому, чтобы обнаружить истину, не заботясь о томъ, окажется ли она на сторонѣ мнѣнія выставленнаго первоначально нами самими, или же нашимъ противникомъ. Это было бы безразлично для насъ или, по крайней мѣрѣ, имѣло бы совершенно второстепенное значеніе. Теперь наоборотъ это главное. Врожденное тщеславіе особенно чувствительно относительно всего, что касается силъ разсудка и не хочетъ допустить, чтобы то, что мы утверждали первоначально, было ошибочно, а то, что утверждалъ противникъ, вѣрно.

Въ виду этого каждому слѣдовало бы только не судить иначе какъ правильно, а для этого сначала думать, а потомъ говорить. Но къ врожденному тщеславію у большинства присоединяется болтливость и врожденная недобросовѣстность. Они говорятъ неподумавши и хотя бы потомъ и замѣтили, что утвержденіе ихъ ложно и что они неправы; они хотятъ, чтобы казалось наоборотъ. Интересъ къ истинѣ, который въ большинствѣ случаевъ былъ единствен-

нымъ мотивомъ при выставленіи положенія, казавшагося истиннымъ, совершенно уступаетъ мѣсто интересу тщеславія: истинное должно казаться ложнымъ, а ложное истиннымъ.

Однако, даже эта недобросовѣстность, упорное отстаиваніе положенія, которое намъ самимъ уже кажется ложнымъ, имѣетъ нѣкоторое оправданіе. А именно, въ началѣ спора мы нерѣдко бываемъ собою убѣждены въ истинѣ нашего утвержденія, но аргументъ противника повидимому совершенно опровергиваетъ его; если мы сразу откажемся отъ нашего утвержденія, намъ часто случается убѣдиться позднѣе, что мы все-таки были правы: доказательство наше было ошибочно; но для того же утвержденія могло быть другое болѣе вѣрное доказательство; спасающій аргументъ не пришелъ намъ въ голову сразу. Такимъ образомъ въ насъ складывается правило спорить противъ возраженій, хотя бы они казались намъ правильными и убѣдительными въ той увѣренности, что самая правильность ихъ есть только кажущаяся и что въ теченіе спора мы нападёмъ еще на такой доводъ, который опровергнетъ его, или на такой, который какъ-нибудь иначе установитъ истину нашего положенія; благодаря этому, мы, если не вынуждены къ нѣкоторой недобросовѣстности въ спорѣ, то, по крайней мѣрѣ, легко соблазняемся ею. Такъ взаимно поддерживаютъ другъ друга слабость нашего сужденія и извращенность нашей воли. Отсюда происходитъ то, что спо-

ряцій обыкновенно сражается не за истину, а за свое положеніе какъ pro agra et focis, и ведетъ дѣло per fas et nefas и, какъ сказано, не легко можетъ дѣйствовать иначе.

Итакъ, обыкновенно каждый пожелаетъ провести свое утвержденіе, даже тогда, когда оно ему въ данную минуту кажется ошибочнымъ или сомнительнымъ; Макиавелли совѣтуетъ государю пользоваться каждою минутою слабости своего сосѣда, чтобы напасть на него, такъ какъ въ противномъ случаѣ сосѣдъ можетъ воспользоваться минутою его слабости. Еслибы господствовали вѣрность и искренность, было бы другое дѣло, но, въ виду того, что на нихъ нельзя разчитывать, и самому нельзя руководствоваться ими, такъ какъ за нихъ бываетъ плохая расплата; то же самое и со споромъ: пусть я признаю противника правымъ, какъ только онъ будетъ повидимому правъ, онъ едва ли сдѣлаетъ то же въ обратномъ случаѣ, а напротивъ будетъ вести дѣло per nefas: значить и я долженъ дѣлать то же.

Легко сказать, что надо стремиться только къ истинѣ, безо всякаго пристрастія къ своему положенію; но нельзя предполагать, чтобъ и другой сдѣлалъ то же, а потому нельзя этого сдѣлать самому. Къ тому же, еслибы я захотѣлъ отказаться отъ моего положенія, которое я однако прежде обдумалъ, какъ только мнѣ показалось, что противникъ мой правъ, то легко можетъ случиться, что введенный

въ ошибку впечатлѣніемъ минуты, я откажусь отъ истины для того, чтобы принять заблужденіе. ✓

Вспомогательныя средства для проведенія своего положенія каждому даетъ въ нѣкоторой мѣрѣ его собственная ловкость и негодность (Schlechtigkeit). Этому научаетъ ежедневный опытъ, такъ что каждый имѣетъ свою натуральную діалектику, также какъ онъ имѣетъ свою натуральную логику. Только первая далеко не такъ надежна, какъ вторая. Рѣдко мыслятъ и заключаютъ вопреки логическимъ законамъ; ошибочныя сужденія часты, ошибочныя заключенія чрезвычайно рѣдки; поэтому въ человѣкѣ рѣдко проявляется недостатокъ въ естественной логикѣ, но ему часто не хватаетъ естественной діалектикѣ; это даръ природы неравномѣрно распределенный (въ этомъ отношеніи діалектика похожа на силу сужденія, которая распределена весьма не равно, тогда какъ разумъ, собственно говоря распределенъ равномерно); часто случается, что кажущаяся аргументація сбивается и опровергается въ существѣ правыхъ и, наоборотъ, тотъ, кто выходитъ изъ спора побѣдителемъ, обязанъ этимъ не столько правильности своего сужденія, при постановкѣ положенія, сколько искусству и ловкости, съ которыми онъ защищалъ ихъ. Врожденное, здѣсь какъ и вездѣ, наилучшее. Однако упражненіе и размышленіе надъ тѣми приѣмами, которые опровергаютъ противника или которыми онъ пользуется для побѣды, можетъ много помочь достиженію мастерства въ этомъ искусствѣ.

Поэтому, хотя логика и не может имѣть никакой чисто-практической пользы; диалектика, конечно, имѣть ее можетъ. Мнѣ кажется, что и Аристотель свою логику въ собственномъ смыслѣ (аналитику) выставилъ главнымъ образомъ, какъ основаніе и подготовленіе къ диалектикѣ, а послѣдняя была для него главнымъ. Логика занимается одною формою положеній, диалектика же содержаніемъ или матеріей; поэтому разсмотрѣніе формы какъ общаго должно было предшествовать разсмотрѣнію содержанія или частнаго.

Аристотель опредѣляетъ цѣль диалектики не такъ рѣзко, какъ я, правда онъ указываетъ на споръ, какъ на главную цѣль, но въ то же время и на отысканіе истины (*Тор.* 1, 2). Затѣмъ онъ говоритъ: «слѣдуетъ разсматривать положенія философски, согласно ихъ истинѣ и диалектически, согласно видимости или одобренію и мнѣнію другихъ ($\delta\epsilon\zeta\eta\alpha$)». *Тор.* 1, 12. Онъ, правда, сознаетъ различіе и независимость объективной истины положенія отъ проведенія его или полученія одобренія, но недостаточно рѣзко различаетъ ихъ, чтобы диалектикѣ приписать исключительно послѣднее назначеніе.

Вотъ почему къ его правиламъ относящимся къ послѣдней нѣрѣдко примѣшиваются такіа, которыя имѣютъ въ виду первую. Поэтому мнѣ кажется, что онъ не вполне разрѣшилъ свою задачу, стараясь въ книгѣ *De elenchis sophisticis* отдѣлить диалектику отъ софистики и эристики, причемъ различіе должно состоять въ томъ, что

диалектическія заключенія вѣрны по формѣ и по содержанию, а эристическія или софистическія нѣтъ. (Послѣднія различаются между собою только относительно цѣли: въ *эристическихъ* цѣль эта опредѣляется однимъ желаніемъ остаться правымъ, въ *софистическихъ* — стремленіемъ добиться этимъ путемъ почта или денегъ). Истинны ли положенія по содержанию, это всегда слишкомъ не достоверно, чтобы можно было заимствовать отсюда основаніе для различенія ихъ; менѣе всего увѣрены могутъ быть въ этомъ сами спорящіе, и даже результатъ спора можетъ дать объ этомъ только сомнительное заключеніе. Поэтому подъ диалектикой Аристотеля мы должны разумѣть также софистику, эристику и пиристику и опредѣлить ее какъ искусство оставаться правымъ въ спорахъ. Конечно главное пособіе къ тому состоитъ въ томъ, чтобы быть дѣйствительно правымъ, но одного этого для людей еще недостаточно, а съ другой стороны при слабости ихъ разсудка это безусловно необходимо. Итакъ, нужны еще нѣкоторые другіе искусственные приемы, которые, будучи независимы отъ объективной правды, могутъ употребляться и при объективной неправотѣ, о дѣйствительномъ существованіи которой почти никогда нельзя судить съ полною достоверностію.

Итакъ, мое мнѣніе состоитъ въ томъ, что логика и диалектика должны быть разграничены рѣзче, чѣмъ это сдѣлано Аристотелемъ, и логикѣ предоставлена объек-

тивная истина, поскольку она формальна, а диалектика ограничена одержаніемъ побѣды въ спорахъ, причемъ софистику и эристику не надо отдѣлять отъ нея, какъ это дѣлаетъ Аристотель, такъ какъ различіе это основано на объективной матеріальной истинѣ, относительно которой мы не можемъ быть заранѣе вполне увѣрены, а должны сказать съ Понтиемъ Пилатомъ: «что есть истина?» такъ какъ: *veritas est in puteo, ἐν βύθῳ ἢ ἀλγέεια*. (Изреченіе Демокрита, Diog. Laert. IX, 72). Нерѣдко послѣ оживленнаго спора, каждый уходитъ домой, унося мнѣніе противника—они похѣнялись. Легко сказать, что въ спорахъ не должно имѣть въ виду ничего кромѣ выясненія истины; но дѣло въ томъ, что еще неизвѣстно, гдѣ она, аргументы противника и свои собственные вводятъ въ заблужденіе. Впрочемъ: *re intellecta, in verbis simus faciles*; такъ какъ диалектика вообще признается обыкновенно равнозначущей съ логикой, то мы, какъ уже сказано, назовемъ свою дисциплину «*Dialectica eristica*, Эристическая диалектика».

Предметъ каждой отрасли науки всегда слѣдуетъ вполне отдѣлять отъ всѣхъ остальныхъ. Чтобы выставить диалектику, какъ таковую, надо разсматривать ее исключительно какъ искусство оставаться правымъ, независимо отъ объективной истины, что, разумѣется, бываетъ легче, когда мы правы въ самомъ

дѣлѣ. Но диалектика, какъ таковая, должна учить только тому, какъ защищаться отъ нападеній всякаго рода, особенно отъ недобросовѣстныхъ, а также, какъ можно самому нападать на другаго, не противорѣча себѣ и вообще не рискуя быть опровергнутымъ. Надо вполне отдѣлить изысканіе объективной истины отъ искусства заставлять свои положенія казаться истинными. Первое есть совершенно другая *πραγματεια*: это дѣло сужденія, размышленія, опыта, и для этого не существуетъ никакого искусства; послѣднее, наоборотъ, есть цѣль диалектики.

Ее опредѣляли какъ «логику видимости». Это ошибочно, потому что тогда ею можно было бы пользоваться только при защитѣ невѣрныхъ положеній. Но диалектика нужна, тогда, когда мы правы, для того, чтобы отстаивать эту правоту и надо знати недобросовѣстные, искусственные приемы, чтобы отражать ихъ, и нерѣдко даже пользоваться ими, чтобы бить противника его же оружіемъ. Поэтому объективная истина совсѣмъ не должна разсматриваться въ диалектикѣ или разсматриваться только какъ нѣчто случайное, и задача ея должна состоять лишь въ опредѣленіи того, какъ защищать собственное положеніе и какъ опровергать положеніе противника. Въ относившихся сюда правилахъ нельзя имѣть въ виду объективную истину, такъ какъ въ большинствѣ слу-

часъ неизвестно, гдѣ она. Часто спорящій самъ не знаетъ, правъ онъ или нѣтъ, часто думаетъ, что правъ и ошибается, часто оба спорящіе считаютъ себя правыми, а между тѣмъ *veritas est in puteo*. При возникновеніи спора каждый думаетъ обыкновенно, что истина на его сторонѣ, въ продолженіи его оба начинаютъ сомнѣваться, конецъ долженъ выяснитъ истину и подтвердить ее. Итакъ, діалектикѣ не зачѣмъ касаться этого, такъ же какъ учителю фехтованія нѣтъ дѣла до того, кто былъ правъ въ спорѣ, изъ-за котораго произошелъ поединокъ: нанесеніе ударовъ и ихъ парированіе—вотъ въ чемъ дѣло. Также и въ діалектикѣ—это въ духовномъ фехтованіи. Только понятая такимъ образомъ, діалектика можетъ составлять новую отрасль науки. Если же мы поставимъ своею цѣлью только объективную истину, мы возвращаемся къ одной логикѣ, а если наоборотъ признаемъ ее проведеніемъ невѣрныхъ положеній, у насъ получается чистая софистика. Въ обоихъ случаяхъ предполагается, что мы заранее знали, что истина и что нѣтъ, а это рѣдко бываетъ известно напередъ. Поэтому истинное понятіе діалектики то, которое было выставлено: она есть *духовное фехтованіе* съ цѣлью оказаться правымъ въ спорахъ; названіе же Эристика болѣе подходяще чѣмъ Діалектика, самое же вѣрное — Эристическая діалектика, *Dialectica eristica*.

Діалектика въ этомъ смыслѣ есть только систематическое правильное сочетаніе и изложеніе искусственныхъ приѣмовъ, которыми пользуется большинство людей, когда во время спора они замѣчаютъ, что истина не на ихъ сторонѣ и все-таки хотятъ быть правыми. Поэтому было бы совершенно нецѣлесообразно въ научной діалектикѣ имѣть въ виду объективную истину и выясненіе ея, тогда какъ въ первоначальной естественной діалектикѣ этого нѣтъ, а цѣль состоитъ только въ одержаніи побѣды. Итакъ, главная задача научной діалектики въ нашемъ смыслѣ состоитъ въ изложеніи и анализѣ искусственныхъ приѣмовъ при недобросовѣстномъ спорѣ, для того, чтобы въ спорахъ серьезныхъ возможно было сразу узнать и уничтожить ихъ. Именно поэтому въ ея изложеніи послѣднюю цѣлью ея заведомо должно быть одержаніе верха въ спорѣ, а не объективная истина.

Мы не знаемъ, чтобы въ этомъ смыслѣ было что-нибудь сдѣлано, хотя я озирался далеко кругомъ. Итакъ, это—необработанное поле. Чтобы достигнуть цѣли, надо было бы черпать изъ опыта, наблюдать какъ примѣняется спорящими тотъ или другой приѣмъ въ спорахъ, часто происходящихъ на практикѣ, затѣмъ сводить повторяющіеся въ разныхъ формахъ приѣмы къ общему и такимъ образомъ выставить нѣкоторыя общія хитрости, которыя могли бы служить затѣмъ какъ для собственнаго употребленія,

такъ и для отраженія ихъ, когда ими пользуется другой.

Пусть смотрятъ на слѣдующія страницы, какъ на первый опытъ этого рода.

Основаніе всякой діалектики *).

Въ каждомъ спорѣ, все равно будетъ ли онъ публичный, какъ въ академическихъ аудиторіяхъ и судахъ, или же въ обыкновенныхъ разговорахъ, существенное состоитъ въ слѣдующемъ:

Выставляется тезисъ, который долженъ быть опровергнутъ; для этого есть два модуса и два пути.

1) Модусы бываютъ *ad rem* и *ad hominem*, или *ex concessis*. Только посредствомъ перваго мы опровергаемъ абсолютную или объективную истину тезиса; показывая, что онъ не согласенъ съ дѣйствительными свойствами предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Посредствомъ втораго мы опровергаемъ только его относительную истину, показывая, что онъ противорѣчитъ другимъ утвержденіямъ или допущеніямъ защитника тезиса, или же обнаруживаемъ несостоятельность его аргументовъ, причемъ объективная истина дѣла остается въ сущности нерѣшенной. Напримѣръ, если во время спора о философскихъ

*) Этою главою Шпенггауеръ воспользовался въ *Parerga* (II, § 26).

или естественно-научныхъ предметахъ противникъ (который для этого долженъ быть Англичаниномъ) позволяетъ себѣ приводить библейскіе аргументы, мы въ правѣ опровергать его такими же аргументами, хотя это только аргументы *ad hominem*, не рѣшающіе дѣла по существу. Это похоже на уплату кому-нибудь долга бумажными деньгами, которыя отъ него же получены. Во многихъ случаяхъ такого рода *modus procedendi* можно бы даже сравнить съ представленіемъ въ судѣ подложнаго обязательства, на которое отвѣтчикъ съ своей стороны отвѣчаетъ подложной квитанціей; несмотря на это заемъ могъ существовать въ дѣйствительности. Также какъ въ послѣднемъ случаѣ, аргументація только *ad hominem* имѣетъ преимущество краткости, такъ какъ весьма часто въ обоихъ случаяхъ истинное и основательное разъясненіе дѣла было бы чрезвычайно длинно и затруднительно.

2) Что касается способа, то онъ бываетъ или прямой, или косвенный: первый нападаетъ на основанія тезиса, второй на его послѣдствія; одинъ доказываетъ, что онъ *не вѣренъ*, другой—что онъ *не можетъ быть вѣрнымъ*. Разсмотримъ ихъ подробнѣе.

а) Опровергая прямымъ путемъ, слѣдовательно, нападая на основанія тезиса, мы или показываемъ, что сами они не вѣрны, говоря пего *maiorem* или пего *minorem*, и въ обоихъ случаяхъ нападая на матерію, служащую основаніемъ заключенія; или

же мы допускаемъ эти основанія, но показываемъ, что тезисъ не вытекаетъ изъ нихъ, и говоримъ слѣдовательно: *nego consequentiam*, нападая такимъ образомъ на форму заключенія.

б) Опровергая косвеннымъ путемъ, слѣдовательно нападая на тезисъ посредствомъ слѣдствій его, чтобы изъ невѣрности ихъ заключить о невѣрности перваго посредствомъ закона *a falsitate rationati ad falsitatem rationis valet consequentia*; при этомъ мы можемъ пользоваться либо простою *инстанціей* либо *аналогіей*.

а) *Инстанція*, *ὑποτασις*, est только *exemplum in contrarium*, она опровергаетъ тезисъ, показывая предметы или отношенія, содержимыя положеніемъ и вытекающія изъ него, при которыхъ оно однако непремѣнно и слѣдовательно не можетъ быть истиннымъ.

б) *Аналога* получается тогда, когда мы временно допускаемъ правильность тезиса, но затѣмъ связываемъ съ нимъ другое признанное истиннымъ или безспорное положеніе такъ, чтобы оба они стали посылками такого вывода, заключеніе котораго очевидно ошибочно, потому что оно противорѣчитъ или вообще существу вещей, или достоверно признанному свойству предмета, о которомъ идетъ рѣчь, или же другому утвержденію лица выставившаго тезисъ; поэтому аналога по своему *modus'u* можетъ быть *ad hominem* и *ad rem*. Если же заключеніе противорѣчитъ несомнѣннымъ или даже *a priori* до-

стовернымъ истинамъ, это значить, что мы привели противника *ad absurdum*. Во всякомъ случаѣ ошибочность его заключенія должна зависеть отъ его тезиса, такъ какъ истина остальныхъ посылокъ не подлежитъ сомнѣнію: а потому тезисъ не можетъ быть вѣрнѣмъ.

Всякое нападеніе въ спорѣ можетъ быть сведено къ изложеннымъ здѣсь формальнымъ способамъ: поэтому послѣдніе въ діалектикѣ то же, что въ фехтованіи правильные удары: терікъ, кварта и т. д. Наоборотъ, выставленные мною искусственные приемы или стратегическія уловки можно сравнить съ финтами и наконецъ личныя нападенія въ спорахъ съ тѣмъ, что университетскіе преподаватели фехтованія называютъ свинскими ударами.

II.

УЛОВКИ.

Уловка 1. Распространеніе. Выведеніе утвержденія противника изъ его естественныхъ границъ, толкованіе его въ самомъ общемъ смыслѣ, въ самомъ обширномъ значеніи и преувеличеніе его; потому что тѣмъ общѣе утвержденіе, тѣмъ больше оно открыто для нападеній. Средства противъ этого точное выставленіе *puncti* или *status controversiae*.

Примѣръ 1. Я утверждалъ, что «Англичане первая нація въ драмѣ». Противникъ хотѣлъ попробовать инстанцію и возражалъ, что «какъ извѣстно, въ музыкѣ».

а слѣдовательно и въ «перѣ» они не создали ничего выдающагося». Я отразилъ его напомниманіемъ, что музыка не содержится въ понятіи драматическаго; послѣднее обозначаетъ только трагедію и комедію; что онъ отлично зналъ, а только пробовалъ настолько обобщить мое утвержденіе, чтобы оно касалось всѣхъ театральныхъ представленій, а слѣдовательно и оперы и музыки, чтобы такимъ образомъ потомъ опровергнуть меня навѣрно. Наоборотъ, спасти свое утвержденіе можно суживая его болѣе чѣмъ предположено первоначально, если только выраженіе способствуетъ этому.

Примѣръ 2. Ламаркъ (*Philosophie zoologique*, vol. I, p. 206) отказывается полипамъ во всякомъ ощущеніи на томъ основаніи, что у нихъ нѣтъ нервовъ. Однако несомнѣнно, что они способны къ воспріятіямъ, такъ какъ они слѣдуютъ за свѣтомъ, искусственно двигааясь отъ вѣтки къ вѣткѣ и хватаютъ свою добычу. Поэтому допускаютъ, что нервная масса полиповъ, равномѣрно распространенная въ массѣ всего тѣла, какъ бы слилась съ нимъ, ибо они очевидно имѣютъ раздѣльныя впечатлѣнія, не имѣя особыхъ органовъ чувствъ. Такъ какъ это опрокидываетъ допущеніе Ламарка, то онъ аргументируетъ діалектически слѣдующимъ образомъ: въ такомъ случаѣ всѣ части тѣла полипа должны бы быть способны ко *всякому* ощущенію, а также къ движенію, волѣ и мышленію, тогда полипъ имѣлъ бы въ каждомъ пунктѣ своего тѣла всѣ органы самыхъ совер-

шенныхъ животныхъ, каждый пунктъ могъ бы видѣть, обонять, слышать и т. д., даже думать, судить и заключать; каждая частица его тѣла была бы совершеннымъ животнымъ и самъ полипъ сталъ бы выше человѣка, такъ какъ каждая частица его имѣла бы всѣ тѣ способности, которыми человѣкъ обладаетъ только въ цѣломъ; даже не было бы никакого основанія не распространить на монады—эти самыя несовершенныя существа—того же, что утверждается о полипахъ и наконецъ на растенія, которыя также живутъ и т. д.

Употребленіемъ такихъ діалектическихъ уловокъ писатель обнаруживаетъ, что втайнѣ онъ сознаетъ себя неправымъ. Изъ утвержденія, что все тѣло полиповъ, способно къ ощущенію свѣта и потому нервообразно, онъ дѣлаетъ выводъ, что все тѣло мыслить.

Уловка 2. Пользоваться *омониміей* для распространенія утвержденія и на то, что за исключеніемъ тождества слова не имѣетъ ничего или мало общаго съ предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь, затѣмъ опровергнуть это блестящимъ образомъ и сдѣлать видъ, что опровергъ самое утвержденіе.

Примѣръ 1. Я порицалъ, какъ неразумный, принципъ чести, на основаніи котораго она терается вслѣдствіе полученнаго оскорбленія, если только на него не отвѣчено еще большимъ оскорбленіемъ или оно не смыто кровью противника или своею собственною. Какъ на основаніе я указывалъ на то, что истинная

честь не можетъ быть опорочена тѣмъ, что претерпѣваетъ человѣкъ, а только тѣмъ, что онъ дѣлаетъ; такъ какъ съ каждымъ все можетъ случиться. Противникъ обстоятельно показавъ, что когда кушча ложно обвиняють въ обманѣ, нечестности или небрежности въ своемъ дѣлѣ, это составляетъ нападеніе на его честь, которая опорочена здѣсь только тѣмъ, что онъ претерпѣваетъ и которую онъ можетъ возстановить только привлеки нападающаго къ отвѣтственности и заставивши его отказаться отъ обвинения.

Такимъ образомъ онъ посредствомъ омониміи подставляя здѣсь *честь гражданскую* или *доброе имя*, опороченіе которой совершается посредствомъ клеветы, вмѣсто *рыцарской чести* иначе называемой *point d'honneur*, опороченіе которой совершается посредствомъ оскорбленія. И такъ какъ нападеніе на первую не можетъ быть оставлено безъ возраженія, а должно быть отражено гласнымъ опроверженіемъ, то по тѣмъ же основаніямъ и нападеніе на послѣднюю не должно оставаться безъ вниманія, а должно быть отражено болѣе сильнымъ оскорбленіемъ и поединкомъ. Благодаря этому посредствомъ омониміи въ словѣ честь происходитъ смѣшеніе двухъ совершенно различныхъ вещей и опредѣляется *mutatio controversiae*.

Уловка 3. Утвержденіе выставленное только относительно *хτὴ τῆς, relative, принимается вообще, ἀπλῶς, simpliciter, absolute, или по крайней мѣрѣ* понимается въ совершенно иномъ

смыслъ и затѣмъ въ этомъ именно смыслѣ опровергается. Вотъ примѣръ Аристотеля: «Мавръ черенъ, но относительно зубовъ бѣлъ; и такъ онъ въ то же время черенъ и не черенъ». Это вымышленный примѣръ, который на дѣлѣ никого не обманетъ; возьмемъ наоборотъ другой изъ дѣйствительнаго опыта.

Примѣръ. Въ одномъ философскомъ разговорѣ я призналъ, что система моя защищаетъ и хвалитъ квіетистовъ; вскорѣ послѣ того рѣчь зашла о Гегелѣ и я утверждалъ, что онъ болѣею частью писалъ безсмыслицу или по крайней мѣрѣ, что многія мѣста его произведеній таковы, что авторъ ставитъ слова, а читатель долженъ прибавить смыслъ. Противникъ не сталъ опровергать этого *ad rem*; но ограничился тѣмъ, что выставилъ аргументъ *ad hominem*: «я только что хвалилъ квіетистовъ, а они тоже много писали безсмыслицы».

Я допустилъ это, но сдѣлалъ поправку въ томъ отношеніи, что хвалю квіетистовъ не какъ *философовъ и писателей* и потому не за ихъ теоретическія произведенія, а какъ *людей* за ихъ дѣйствія только въ практическомъ отношеніи; что же касается Гегеля, то рѣчь идетъ о теоретическихъ произведеніяхъ и такимъ образомъ нападеніе было отражено.

Первые три приѣма имѣють нѣкоторое сродство: въ нихъ то общее, что противникъ говорить не о томъ о чемъ былъ поставленъ вопросъ. Поэтому тотъ кто

позволяет опровергнуть себя этимъ способомъ полагаясь *ignoratio elenchi*. Во всѣхъ выставленныхъ примѣрахъ то, что говорить противникъ, справедливо; но между его утверженіемъ и тезисомъ нѣтъ дѣйствительнаго противорѣчія, а только кажущееся; поэтому тотъ, на кого направлено нападеніе, долженъ отрицать заключеніе, а именно выводъ невѣрности тезиса изъ вѣрности положенія противника, и это составляетъ прямое опроверженіе его опроверженія *per negationem consequentiae*.

Уловка 4. Не допускать *вѣрныхъ посылокъ*, предвидя *заключеніе изъ нихъ*. Противъ этого есть слѣдующія два средства:

а) Когда хочешь сдѣлать выводъ не слѣдуетъ обнаживать его заранѣе, а добывать посылки въ теченіе разговора въ разсыпную, поодиночкѣ, иначе противникъ будетъ пробывать всевозможныя придирки. Или когда сомнительно, чтобы противникъ допустилъ ихъ, надо выставить посылки посылкомъ, сдѣлать просиллогизмы, затѣмъ слѣдуетъ вынудить въ разбросъ безъ опредѣленнаго порядка посылки нѣсколькихъ такихъ просиллогизмовъ, прикрывая этимъ свою игру пока не будетъ допущено все, что было нужно, и ведя дѣло издалека. Правило это даетъ Аристотель. *Тор. Lib. VIII, с. 1.* Примѣровъ здѣсь не требуется.

б) Для доказательства своего положенія можно пользоваться и невѣрными посылками, когда противникъ не допустилъ бы истинныхъ, потому ли, что не видитъ

ихъ истины, или же потому, что видитъ, что изъ нихъ прямо слѣдовалъ бы тезисъ. Тогда надо взять положенія въ сущности ложныя но вѣрныя *ad hominem* и аргументировать исходя изъ образа мыслей противника, *ex concessis*. Истина можетъ слѣдовать и изъ невѣрныхъ посылокъ, хотя никогда не можетъ быть обратнаго. Точно также можно опровергать невѣрныя положенія противника, другими невѣрными положеніями, которыя онъ считаетъ истинными, это потому, что имѣя дѣло съ нимъ надо примѣняться къ его образу мыслей. Такъ, напримѣръ, если онъ послѣдователь какой-либо секты, съ которой мы несогласны, мы можемъ, однако, употреблять какъ *principia* противъ него изреченія этой секты (*Arist. Тор. VIII с. 9*).

Уловка 5. Дѣлается *скрытая petitio principii* въ требованіи того, что слѣдуетъ доказать или 1) подъ другимъ именемъ (напримѣръ вмѣсто *чести*—*доброе имя*, вмѣсто *дѣятельности*—*добродѣтель* и т. д.). 2) Или когда спорять о частномъ, требуютъ допущенія общаго, напримѣръ утверждая недостоверность медицины постулируютъ недостоверность человѣческихъ знаній. 3) Когда *vice versa* два положенія одно изъ другаго вытекаютъ, и надо доказать первое, требуютъ втораго. 4) Когда надо доказать общее, поочередно требуютъ допущенія всего частнаго (Обратное тому, что въ 2 пр.) *Arist. Тор. VIII с. 11.*

Относительно діалектическаго упражненія, хорошія правила содержитъ послѣдняя глава въ *Топикѣ* Аристотеля.

Уловка 6. Когда споръ ведется нѣсколько строго и формально, и хотять вполне понять другъ друга, тотъ, кто выставилъ утверженіе и долженъ доказать его, относится къ противнику вопросительно, чтобы изъ его допущеній заключить объ истинѣ утверженія. Эта *эротематическая метода* была особенно употребительна у древнихъ. (Она называется также и сократическою.) Къ ней относится настоящій приемъ и нѣкоторые изъ послѣдующихъ, вообще свободно обработанные по Аристотелю. *De elenchis sophisticis* с. 15.

Спрашивать слѣдуетъ много и длинно, для того чтобы скрыть какого именно допущенія добиваешься. И наоборотъ нужно быстро излагать свою аргументацію изъ допущеннаго, такъ какъ тотъ, кто не быстро схватываетъ, не въ состояніи легко услѣдить и замѣтить возможные ошибки и пробѣлы въ доказательствахъ.

Уловка 7. *Возбуждать гнѣвъ противника*, такъ какъ подъ впечатлѣніемъ гнѣва онъ не въ состояніи судить правильно и замѣчать свои преимущества. Вызывается же гнѣвъ тѣмъ, что къ противнику придираются и относятся явно несправедливо и вообще безсовѣстно.

Приемъ 8. *Дѣлать вопросы не въ томъ порядкѣ, какого требуетъ выводъ, который надо сдѣлать изъ нихъ, а со всякими перестановками.* Противникъ не знаетъ тогда къ чему они клонятся, не можетъ предупредить послѣдствій и тогда можно вос-

пользоваться его отвѣтами для различныхъ выводовъ даже для противоположныхъ, смотря потому каковы они окажутся. Это сходно съ 4-й уловкой, гдѣ слѣдуетъ маскировать свои дѣйствія.

Уловка 9. Когда замѣчаешь, что противникъ намѣренно отвѣчаетъ отрицаніемъ на вопросы, тамъ гдѣ мы могли бы воспользоваться утверженіемъ для нашего положенія, надо *спрашивать обратное тому, чего требуетъ положеніе*, какъ бы желая его утверженія или по крайней мѣрѣ предоставляя ему то и другое на выборъ, такъ, чтобы онъ не замѣчалъ, утверженія какого положенія мы добиваемся.

Уловка 10. Когда мы дѣлаемъ индукцію и противникъ допускаетъ отдѣльные случаи, посредствомъ которыхъ она должна быть установлена, намъ не слѣдуетъ спрашивать его, *допускаетъ ли онъ также общую истину, вытекающую изъ этихъ случаевъ, а надо ввести ее какъ окончательно признанную*, такъ какъ иногда ему и самому покажется, что онъ призналъ ее и слушателямъ покажется тоже, потому что они помнятъ разные вопросы объ отдѣльныхъ случаяхъ, которые должны бы привести къ этой цѣли.

Уловка 11. Если рѣчь идетъ о такомъ общемъ понятіи, которое не имѣетъ особаго названія, а должно быть обозначено тропически посредствомъ сравненія, то мы должны *избрать такое сравненіе, которое было бы благоприятно для нашего ут-*

верженія. Такъ, напримѣръ, имена, которыми обозначаются въ Испаніи обѣ политическія партіи, *serviles* и *liberales*, конечно избраны послѣдними. Имя протестантовъ избрано ими самими также какъ и евангелической церкви, имя еретиковъ дано имъ католиками. Это относится также къ болѣе точнымъ названіямъ вещей. Такъ, напримѣръ, противникъ предложить какое-нибудь измѣненіе: его называютъ «нововведеніемъ», такъ какъ слово это антипатично. И поступаютъ наоборотъ, когда сами дѣлаютъ предложеніе. Въ первомъ случаѣ обратное называютъ «установленнымъ порядкомъ», во второмъ, «рутиной» — то, что человѣкъ совершенно безпристрастный или не имѣющій никакой задней мысли назвалъ бы «культомъ» или «гласнымъ общественнымъ вѣроученіемъ», то другой, желающій говорить за нихъ назоветъ «благочестіемъ», «набожностью» а противникъ его «ханжествомъ и предрасудкомъ». Въ сущности это тонкое *petitio principii*: то, что намѣреваются доказать, то напередъ вкладываютъ въ слово, въ названіе, изъ котораго оно затѣмъ вытекаетъ посредствомъ простаго аналитическаго сужденія. То, что одинъ называетъ «подвергнуть личному задержанію, взять подъ стражу», противникъ его называетъ «запереть». Говорящій не рѣдко заранѣе выдаетъ свое намѣреніе тѣми именами, которыми онъ называетъ вещи. Одинъ говоритъ «духовенство», другой «попы».

Между всѣми уловками это самая употребительная, инстинктивная: Ревность къ вѣрѣ = фанатизмъ. — Ошибка или галантность = прелюбодѣніе — Двусмысленность = сальность. — Разстройство дѣлъ = банкротство. — Посредствомъ вліянія и связей = черезъ подкупъ, nepotизмъ. — Справедливая признательность = хорошая плата.

Уловка 12. Чтобы заставить противника признать то или другое положеніе, мы должны выставить противоположное и предоставить ему выборъ, причемъ выразить это противоположное настолько рѣзко, что онъ, чтобы не быть парадоксальнымъ долженъ принять наше положеніе, которое наоборотъ кажется совершенно вѣроятнымъ. Требуется напримѣръ, чтобъ онъ призналъ, что кто-нибудь долженъ дѣлать все, что ему скажетъ отецъ, мы спрашиваемъ тогда, слѣдуетъ ли повиноваться или неповиноваться родителямъ. Или когда о чемъ-либо говорится «часто», мы спрашиваемъ, разумѣется ли подъ «часто» много или мало случаевъ. Это все равно, что сѣрое положить рядомъ съ чернымъ: оно можетъ назваться бѣлымъ, а если положить его рядомъ съ бѣлымъ, оно можетъ назваться чернымъ.

Уловка 13. Безстыдный фокусъ продѣлывается, когда послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, на которые противникъ отвѣтилъ такъ, что отвѣтами этими нельзя воспользоваться для вывода заключенія, которое мы намѣревались сдѣлать, *выставляютъ заключитель-*

ное положеніе какъ доказанное и выкрикиваютъ его съ триумфомъ. Если противникъ застычившій, тупъ, а самъ обладаешь значительнымъ безстыдствомъ и хорошимъ голосомъ, это весьма можетъ удался. Принадлежитъ къ fallacia non causae ut causae.

Уловка 14. Когда мы выставили парадоксальное положеніе и затрудняемся доказать его, мы предлагаемъ противнику какое-нибудь вѣрное, однако не очевидно вѣрное положеніе какъ будто хотимъ почерпнуть изъ него доказательство; если онъ изъ подозрительности отвергнетъ его, мы приводимъ его ad absurdum и торжествуемъ, если же онъ признаетъ его, мы все-таки сказали нѣчто разумное и можемъ поискать теперь чего-нибудь другаго, или же присоединяемъ предыдущую уловку и утверждаемъ, что доказали такимъ образомъ свой парадоксъ. Для этого требуется крайнее безстыдство, но это встрѣчается на практикѣ и есть люди, которые такъ дѣйствуютъ инстинктивно.

Уловка 15. *Argumenta ad hominem* или *concessis*. При утвержденіи противника мы должны поискать, не противорѣчитъ ли оно такъ или иначе, хотя бы только, повидимому, чему-либо, что онъ сказалъ или допускалъ прежде, или положеніямъ школы или секты, которую онъ хвалилъ и одобрялъ, дѣятельности послѣдователей этой секты или хотя бы не настоящихъ, а только кажущихся послѣдователей, или тому, что онъ самъ дѣлаетъ или не дѣлаетъ. Если напимѣрь:

онъ защищаетъ самоубійство, ему сейчасъ же кричать: «зачѣмъ же ты не повѣсился?» Или если онъ утверждаетъ напимѣрь, что Берлинъ непріятное мѣсто жительства: «зачѣмъ же ты не уѣзжаешь съ первымъ же дилижансомъ». — Какую-нибудь придирку выпарапать всегда будетъ можно.

Уловка 16. Когда противникъ тѣснитъ насъ обратнымъ доказательствомъ, мы можемъ спастись какимъ-нибудь тонкимъ различіемъ, о которомъ мы, правда, не думали прежде сами, если только предметъ допускаетъ какое-нибудь двойное значеніе или двойной случай.

Уловка 17. Если мы замѣчаемъ, что противникъ взялся за аргументацію, посредствомъ которой онъ одолѣетъ насъ, мы не допуская до этого, заблаговременно должны прервать ходъ спора и перескочить или перевести его на другія положенія, (прервать ходъ спора перескочить или перевести его на другія положенія, однимъ словомъ произвести *mutatio controversiae*, сдѣлать диверсію или сразу начать съ чего-либо совѣтъ другаго, какъ будто оно относится къ дѣлу и составлять аргументъ противъ собесѣдника.

Это совершается съ нѣкоторою скромностью, когда диверсія такъ или иначе относится къ *thema quaestionis*, безсовѣстно, когда она касается только противника и не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу. Я хвалилъ, напимѣрь, что въ Китаѣ нѣтъ родового дворянства и должности получаютъ только на основаніи *examina*. Противникъ мой утверждалъ, что ученость столь же мало дѣлаетъ способнымъ къ

должностямъ, какъ и рожденіе (которому онъ придавалъ нѣкоторое значеніе). Дѣло пошло для него плохо. Онъ немедленно сдѣлалъ диверсію, что въ Китаѣ всѣ сословія наказываются батоной, поставилъ это въ связь съ усиленнымъ чаепитіемъ и то и другое поставилъ въ укоръ Китайцамъ.

Кто вдался бы въ обсужденіе всего этого, уклонился бы отъ предмета и достигнутая побѣда была бы вырвана у него изъ рукъ.

Безстыдна диверсія бываетъ тогда, когда она совершенно оставляетъ сущность questionis и начинается въ родѣ слѣдующаго: да вотъ вы недавно также утверждали и т. д., тогда она относится уже отчасти къ «личностямъ» о чемъ будетъ говорить въ послѣдней уловкѣ. Строго говоря это средняя ступень между объясняемымъ тамъ argumentum ad personam и argumentum ad hominem. Каждая брань между необразованными людьми показываетъ насколько уловка эта всеобща и прирожденна. Какъ только одинъ дѣлаетъ другому личные упреки, другой отвѣчаетъ не опроверженіемъ ихъ, а тоже личными упреками первому, оставляя безъ отвѣта тѣ, которые сдѣланы ему самому и такимъ образомъ какъ будто признавая ихъ; онъ поступаетъ подобно Сципіону, который напалъ на Каррагеніанъ не въ Италіи, а въ Африкѣ. На войнѣ такая диверсія иногда можетъ быть полезна, когда браняться—она плоха, потому что полученные упреки остаются неопровергнутыми и слушатель

узнаетъ все дурное объ обѣихъ сторонахъ; въ спорахъ она употребляется *faute de mieux*.

Уловка 18. Если противникъ прямо требуетъ отъ насъ, чтобы мы возразили что-нибудь противъ того или другаго пункта его утвержденія, у насъ же нѣтъ ничего дѣльнаго—мы должны *совершенно обобщить предметъ и тогда уже возражать противъ него*. Намъ приходится положить сказать, почему та или другая физическая гипотеза не заслуживаетъ довѣрія, тогда мы начинаемъ говорить объ обманчивости человѣческаго знанія и выясняемъ его всячески. Когда мы выспросили у противника посылки и онъ допустилъ ихъ, мы не должны спрашивать заключеніе, а прямо вывести его сами, и даже если не достаеъ еще та или другая посылка мы и ее признаемъ за допущенную и дѣлаемъ выводъ, что составляетъ тогда приращеніе *fallacia non causae ut causae*.

Уловка 20. Въ случаѣ призрачнаго или софистическаго аргумента противника, когда мы проникаемъ его, мы правда можемъ отразить его, разобравъ его ложность и призрачность, однако, чтобы развязаться съ нимъ, лучше *отвѣтить на него такимъ же ложнымъ и софистическимъ противоположнымъ аргументомъ*, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ не объ истинѣ, а о побѣдѣ. Если онъ даетъ напримѣръ argumentum ad hominem, то достаточно парализовать его обратнымъ аргументомъ ad hominem (*ex concessis*) и вообще бываетъ короче вмѣсто длиннаго разбора существа предмета,

если онъ представляется, выставить *argumentum ad hominem*.

Уловка 22. Противорѣчіе и споръ побуждаютъ къ *преувеличенію утверждения*. Такимъ образомъ мы можемъ побудить противника посредствомъ противорѣчія расширить положеніе, которое само по себѣ и при надлежащихъ ограниченіяхъ правильно, за предѣлы истины, и когда мы затѣмъ опровергнемъ это преувеличеніе, покажется какъ будто мы опровергли и его первоначальное положеніе. Наоборотъ сами мы должны остерегаться, чтобы противорѣчіе не завлекло насъ въ преувеличеніе или слишкомъ широкое распространеніе нашего положенія. Часто противникъ самъ постарается распространить наше утвержденіе дальше, чѣмъ мы это сдѣлали, тогда мы сейчасъ же должны остановить его и привести его къ границѣ нашего утвержденія посредствомъ «вотъ что я сказалъ, а не болѣе того.»

Уловка 23. *Вылавливаніе заключеній (Konsequenzmacherei)*. Вынуждаютъ изъ положенія противника посредствомъ ложныхъ заключеній и искаженія понятій, такіа положенія, которыя въ немъ не заключаются и совсѣмъ не составляютъ мнѣнія противника. Но такъ какъ кажется, что изъ его положенія вытекаютъ другія, которыя находятся въ противорѣчій или между собою или съ общепризнанными истинами, то это сходитъ за косвенное опроверженіе, за *anagoge* и составляетъ опять примѣненіе *fallacia non causae ut causae*.

Уловка 24. *Аналога посредствомъ инстанцій, exemplum in contrarium*. Тогда какъ *ἐπαγωγή*, *inductio*, требуетъ множества случаевъ, чтобы установить общее положеніе, *ἀπαγωγή* должна выставить только одинъ случай, къ которому положеніе не подходитъ и оно опровергнуто. Такого рода случай называется инстанціей *ἐνστασις*, *exemplum in contrarium*, *instantia*; напримѣръ положеніе: «всѣ животныя, жующія жвачку, имѣютъ рога» опровергается одною инстанціей верблюда. Инстанція есть случай примѣненія всеобщей истины къ чему-либо такому, что должно содержаться въ ея главномъ понятіи, но относительно чего она недействительна и потому падаетъ сама. При этомъ можно однако ошибиться, такъ что при инстанціяхъ противника мы должны наблюдать за слѣдующимъ: 1) Дѣйствительно ли вѣренъ примѣръ. Бываютъ задачи, въ которыхъ единственное возможное рѣшеніе состоитъ въ томъ, чтобы случай признать невѣрнымъ, напримѣръ многіе чудеса, исторіи привидѣній и т. п. 2) Дѣйствительно ли онъ подходитъ подъ понятіе выставленной истины: нерѣдко это только такъ кажется и вопросъ разрѣшается точнымъ различіемъ. 3) Дѣйствительно ли примѣръ находится въ противорѣчій съ выставленною истиной, такъ какъ и это противорѣчіе часто бываетъ только кажущееся.

Уловка 25. Блестящій ударъ состоитъ въ *retorsio argumenti*: когда тотъ аргументъ, которымъ противникъ хочетъ воспользоваться, еще лучше можетъ быть

употребленъ противъ него, напримѣръ, когда онъ говорить: «это ребенокъ, къ нему надо относиться снисходительно» *retorsio*: «потому-то, что это ребенокъ, и слѣдуетъ учить его, чтобы онъ не закоренѣлъ въ своихъ дурныхъ привычкахъ.»

Уловка 26. Если при какомъ-нибудь аргументѣ *противникъ неожиданно начинаетъ сердиться*, этимъ аргументомъ надо усиленно пользоваться, не потому только, что онъ годится для раздраженія противника, но и потому, что можно предположить, что мы коснулись слабой стороны въ ходѣ его мыслей и здѣсь именно можно поймать его лучше, чѣмъ сами мы это сразу можемъ замѣтить.

Уловка 27. Она особенно примѣнима, когда ученые спорять передъ неучеными слушателями и когда не имѣется *argumentum ad rem* ни даже *hominem*. Дается *аргументъ ad auditores* т. е. возраженіе негодное, но негодность котораго можетъ видѣть только человѣкъ знающій дѣло; таковъ противникъ, а не слушатели; поэтому въ ихъ глазахъ онъ будетъ побитъ, особенно если возраженіе выставляетъ положеніе его въ смѣшномъ свѣтѣ; люди всегда готовы смѣяться, и смѣющиеся оказываются на нашей сторонѣ. Чтобы показать нецѣлостность возраженія пришлось бы продѣлать длинный анализъ и вернуться къ принципамъ науки или другимъ даннымъ; а для этого много найдется слушателей.

Примѣръ. Противникъ говоритъ, что при первоначальной формации горъ масса, изъ которой кристаллизировался гранитъ и всѣ остальные горы, была въ жидкомъ состояніи отъ жара, слѣдовательно расплавлена. Жаръ долженъ былъ быть приблизительно въ 200° R; масса кристаллизовалась подъ покрывавшей ее морской поверхностью. Мы дѣлаемъ *argumentum ad auditores*, что при такой температурѣ и даже раньше, при 80°, море давно выкипѣло бы и носилось бы въ воздухѣ въ видѣ пара. Слушатели смѣются. Чтобы опровергнуть насъ противнику пришлось бы показать, что точка кипѣнія зависитъ не только отъ степени тепла, но въ равной мѣрѣ и отъ давленія атмосферы, а она въ свою очередь до такой степени повышается, какъ только половина морской воды носится въ парахъ, такъ что и при 200° не наступаетъ кипѣнія. Но до этого онъ не дойдетъ, такъ какъ для не физиковъ на это потребовалось бы особое разсужденіе. (Мичерлихъ отчетъ берлинской академіи 1822).

Уловка 28. *Argumentum ad verecundiam*. Въмѣсто основаній пользоваться авторитетами по мѣрѣ знаній противника. *Unusquisque mavult credere quam iudicare*, говоритъ Сенека. Поэтому легко вести дѣло, когда за себя имѣешь авторитетъ уважаемый противникомъ. Чѣмъ болѣе ограничены его знанія и способности, тѣмъ большее число авторитетовъ имѣеть

для него значеніе. Если же способности его перво-классны, то для него очень мало или почти не будет авторитетовъ. Конечно онъ допустить авторитетъ специалистовъ, въ малоизвѣстной или неизвѣстной ему наукѣ, искусствѣ или ремеслѣ, и то съ нѣкоторымъ недо-вѣріемъ. Наоборотъ люди дюжинные питаютъ глубокое почтеніе ко всякимъ специалистамъ. Имъ неизвѣстно, что тотъ, кто дѣлаетъ изъ предмета ремесло, любить не предметъ, а выгоду, ни то что тотъ, кто обучаетъ предмету, рѣдко самъ знаетъ его основательно, такъ какъ тому, кто основательно изучаетъ, большею частью не остается времени для обученія другихъ. Но у толпы есть много уважаемыхъ авторитетовъ, поэтому, если нѣтъ настоящаго, можно взять только кажущійся и привести то, что сказано въ другомъ смыслѣ и при другихъ обстоятельствахъ. Авторитеты, которыхъ противникъ совсѣмъ не понимаетъ, большею частью дѣйствуютъ сильнѣе всего. Люди неученые питаютъ особенное уваженіе къ греческимъ и латинскимъ при-красамъ. Съ авторитетами можно допускать не только натяжки, но и совершенныя искаженія или даже приводить авторитеты собственнаго изобрѣтенія. Боль-шею частью у противника подъ рукою нѣтъ книги, да онъ и не умѣетъ справляться съ нею. Самый прекрасный примѣръ этого представляетъ французскій священникъ, который для того, чтобы не мостить улицы передъ своимъ домомъ, какъ должны были

сдѣлать остальные граждане, привелъ библейское изрѣ-ченіе: *paveant illi, ego non pavebo*, чѣмъ и убѣдилъ представителей общины. Можно также пользоваться какъ авторитетами, всеобщими предразсудками, потому что большинство думаетъ съ Аристотелемъ: *ἡ μὲν πολλοῖς δοκεῖ, ταῦτά γε εἶναι φαιμέν*. Нѣтъ даже такого нелѣпаго мнѣнія, котораго люди легко не усвоили бы себѣ, какъ только удастся убѣдить ихъ что оно общепринято. Примѣръ влияетъ и на ихъ мысли такъ же, какъ на ихъ поступки. Это овцы, которыя идутъ за ведущимъ ихъ бараномъ и кото-рымъ легче умереть, чѣмъ мыслить. Странно, что общепризнанность мнѣнія имѣетъ для нихъ такое значеніе, когда они сами по себѣ знаютъ, какъ мнѣнія принимаются безо всякаго сужденія въ силу одного примѣра. Но этого они не видятъ потому, что совершенно лишены самопознанія. Только избранные говорятъ съ Платономъ *τοῖς πολλοῖς πολλὰ δοκεῖ* т. е. толпа имѣетъ много причудъ въ головѣ, и если бы захотѣли сообразоваться съ ними, много было бы дѣла.

Всеобщность мнѣнія, серьезно говоря, не есть дока-зательство ни даже вѣроятное основаніе его правиль-ности. Утверждающіе противное должны 1) допустить, что удаленіе во времени лишаетъ силы эту всеобщность, иначе имъ пришлось бы вернуться ко всѣмъ старымъ за-блужденіямъ, нѣкогда признававшимся всѣми за истину, напримѣръ къ Птолемеевой системѣ или къ возстанов-

ленію католицизма въ протестантскихъ странахъ. 2) То же самое и относительно отдаленности въ пространствѣ. Иначе ихъ поставило бы въ затруднительное положеніе всеобщность мнѣній послѣдователей буддизма, христіанства и ислама (Bentham, *Tactique des assemblées législatives*, Vol. 2 p. 76).

То что называютъ общимъ мнѣніемъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается мнѣніемъ двухъ-трехъ лицъ и мы убѣдились бы въ этомъ, если бы могли присутствовать при исторіи возникновенія какого-нибудь такого всеобщаго мнѣнія. Мы бы нашли тогда, что два-три человека первоначально приняли, выставили и утверждали его, нѣкоторые же были настолько добры, что повѣрили, что они его вполне основательно изслѣдовали. На основаніи предразсудка этихъ послѣднихъ о достаточныхъ способностяхъ первыхъ приняли тоже мнѣніе другіе. Этимъ въ свою очередь повѣрили еще многіе другіе, которымъ ихъ лѣньность совѣтовала лучше сразу повѣрить, чѣмъ трудиться надъ испытаніемъ. Такъ со дня на день возрастало число этихъ лѣнивыхъ и легковѣрныхъ послѣдователей, потому что, какъ только мнѣніе получало за себя значительное число голосовъ, слѣдующіе полагали уже, что оно могло достигнуть этого лишь благодаря прочности своихъ основаній. Остальные должны были допустить то, что допускалось всѣми, чтобъ ихъ не считали безпокойными головами, возстающими противъ общепризнанныхъ мнѣній, и дерзкими мальчишками,

которые хотятъ быть умнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Тогда уже немногіе способные къ сужденію должны молчать, а тѣ, которые могутъ говорить совершенно неспособны имѣть собственное сужденіе, а представляютъ только отголосокъ чужихъ мнѣній, которыя они защищаютъ съ тѣмъ большею ревностью и нетерпимостью. Они ненавидятъ въ думающемъ иначе не столько другое мнѣніе, къ которому онъ принадлежитъ, сколько дерзость, которую онъ имѣетъ судить самостоятельно, на что сами они никогда не отваживаются и въ тайнѣ сознаютъ это. Короче, мыслить могутъ очень немногіе, а мнѣніе имѣть хотятъ всѣ, что же имъ остается, какъ не принять готовыя мнѣнія другихъ вмѣсто того, чтобы составлять ихъ самимъ?

Если дѣло происходитъ такимъ образомъ, то что же значить голосъ ста миллионовъ людей? То же что какой-нибудь историческій фактъ, который встрѣчаешь у сотни историческихъ писателей, когда потомъ оказывается, что всѣ они выписали его другъ у друга, такъ что въ концѣ концовъ все сводится къ сообщенію одного (Bayle. *Pensées sur les comètes* Vol. I p. 10).

Dico ego, tu dicis, sed denique dixit et ille:

Dictaque post toties, nil nisi dicta vides.

Тѣмъ не менѣе въ спорѣ съ обыкновенными людьми можно пользоваться общимъ мнѣніемъ, какъ авторитетомъ.

Вообще, когда спорять между собою двѣ заурядныя головы, оказывается, что избираемое ими обѣими оружіе большею частью авторитеты; авторитетами онѣ тузятъ другъ друга. Если болѣе способной головѣ приходится имѣть дѣло съ плохой, то и ей самое благоразумное примѣниться къ этому оружію, выбирая его сообразно слабымъ сторонамъ противника. Противъ оружія логическихъ основаній противникъ *ex hypothesi*, окунувшись въ пучину неспособности къ мышлению и сужденію, закаленъ какъ Зигфридъ.

Передъ судомъ, строго говоря, спорять только авторитетомъ, авторитетомъ твердо установленнаго закона; дѣло сужденія отыскать законъ т. е. авторитетъ, который находитъ примѣненіе въ данномъ случаѣ. Но для діалектики остается еще довольно простора, такъ какъ въ случаѣ надобности данный случай и законъ, хотя они собственно и не подходятъ другъ къ другу, переворачиваются до тѣхъ поръ, пока не покажутся подходящими или наоборотъ.

Уловка 29. Когда не знаешь, что возразить на основаніе противника, можно съ тонкой ироніей признать себя некомпетентнымъ. «То, что вы говорите превосходить мое слабое пониманіе, это можетъ быть очень вѣрно, но я не могу понять и потому отказываюсь отъ всякаго сужденія». Такимъ образомъ слушателямъ, у которыхъ пользуешься уваженіемъ инсинуируется, что это нелѣпость. Такъ при появленіи *Критики чистаго разума* или скорѣе при началѣ того

интереса, который она возбудила, многіе профессора эклектической школы объявили: «мы этого не понимаемъ», и думали, что этимъ отдѣлались отъ нея. Но когда нѣкоторые изъ послѣдователей новой школы, показали имъ, что они правы и дѣйствительно не понимаютъ, они пришли въ очень дурное расположеніе духа.

Этою уловкой можно пользоваться только тогда когда совершенно увѣренъ, что имѣешь въ глазахъ слушателей болѣе авторитетъ, чѣмъ противникъ, напримеръ профессоръ со студентомъ.

Въ сущности это относится къ предшествующей уловкѣ и составляетъ особенно коварный способъ замѣны основаній собственнымъ авторитетомъ.

Парировать этому можно такъ: «Извините, при вашей проницательности вамъ это легко понять, тутъ виновато конечно только мое плохое изложеніе» и затѣмъ слѣдуетъ все такъ разжевать и сунуть противнику въ ротъ, чтобы онъ волей-неволей долженъ былъ понять и стало ясно, что сначала онъ дѣйствительно не понимаетъ. — Уловка такимъ образомъ возвращена обратно. Противникъ хотѣлъ инсинуировать, что мы утверждаемъ «нелѣпость», а мы доказали его «непонятливость». И то и другое вполне вѣжливо.

Уловка 30. Какое-либо выставленное противъ насъ утвержденіе противника мы можемъ краткимъ образомъ устранить или по крайней мѣрѣ сдѣлать подозрительнымъ, подводя его подъ какую-нибудь не-

навистную категорию, когда оно слабо связано съ ней сходствомъ или какъ-нибудь иначе: напримѣръ «это манихейство, это арианство, это пелагианство, идеализмъ, это спинозизмъ, натурализмъ, это пантеизмъ, это рационализмъ, это спиритуализмъ, это мистицизмъ и т. д. — При этомъ мы допускаемъ двѣ вещи: 1) Что утверждение действительно тождественно или по крайней мѣрѣ держится въ упомянутой категоріи и восклицаемъ тогда: О это мы уже знаемъ! — 2) Что эта категорія вполнѣ опровергнута и въ ней нѣтъ рѣшительно ничего истиннаго.

Уловка 31. «*Это можетъ быть вѣрно въ теоріи, но на практикѣ ложно*». Посредствомъ этого софизма допускаютъ основанія и все-таки отрицаютъ послѣдствія вопреки правилу, а *ratione ad rationatum valet consequentia*. — Утверждение это предполагаетъ невозможность. То что вѣрно въ теоріи, должно оправдываться, если же этого нѣтъ, то есть ошибка въ теоріи, что-нибудь недосмотрѣно, не принято въ расчетъ и слѣдовательно ошибочно и въ теоріи.

Уловка 32. Когда противникъ не даетъ никакого прямаго и опредѣленнаго отвѣта на вопросъ или на аргументъ, а *уклоняется* посредствомъ косвеннаго отвѣта, другаго вопроса, или что-нибудь совсѣмъ не относящагося къ дѣлу и хочетъ перейти къ другому, это вѣрный признакъ, что мы попали на слабое мѣсто, это относительное умолканіе съ его стороны. Надо поэтому налегать на тотъ пунктъ, котораго мы

коснулись и не спускать противника съ мѣста, даже тогда, когда мы сами еще не видимъ, въ чемъ именно состоитъ та слабая сторона, на которую мы попали.

Уловка 33. Она, если только ее возможно примѣнить, дѣлаетъ всѣ остальные излишними. Въместо того, чтобы дѣйствовать основаніями на разумъ, надо посредствомъ мотивовъ *дѣйствовать на волю противника, а равно и слушателей* и, если интересы ихъ тѣже, что и его, они сейчасъ же склоняются къ нашему мнѣнію, хотя бы оно заимствовано было изъ дома умалишенныхъ; обыкновенно одинъ лотъ воли вѣситъ больше, чѣмъ центнеръ пониманія и убѣжденія; конечно это возможно только при особенныхъ обстоятельствахъ, если можно дать почувствовать противнику, что мнѣіе его, если бы оно имѣло значеніе, значительно повредило бы его интересамъ: онъ броситъ его такъ же скоро, какъ взятое по неосторожности горячее желѣзо. Духовное лицо, напримѣръ, защищаетъ какой-нибудь философскій догматъ, стоитъ дать ему замѣтить, что онъ противорѣчитъ какому-либо основному догмату церкви его, и онъ отъ него откажется. Землевладѣлецъ утверждаетъ громадную пользу машинъ въ Англіи, гдѣ паровая машина производитъ работу многихъ людей, дайте ему понять, что скоро паровыя машины замѣнятъ лошадей въ упряжкѣ, причемъ должны будутъ значительно пасть въ цѣнѣ лошади его многочисленнаго завода и увидите, что изъ этого выйдетъ. Въ подобныхъ

случаяхъ чувство каждаго: Quam temere in nosmet legem sancimus iniquam. Точно также, если слушатели принадлежать къ одной съ нами сектѣ, гильдіи, роду занятій, клубу и т. п., а противникъ нѣтъ. Какъ бы ни былъ вѣренъ его тезисъ, какъ только мы напомнимъ, что онъ противорѣчитъ общимъ интересамъ поминутаго цеха, всѣ слушатели будутъ находить аргументы противника слабыми и жалкими, какъ бы они ни были превосходны, а наши напротивъ вѣрными и мѣткими, какъ бы они ни были фантастичны. Хоръ громко выскажется за насъ, и противникъ посрамленный очиститъ поле.

Уловка 34. Озадачить и сбить съ толку противника наборомъ бессмысленныхъ словъ. Это основано на томъ, что:

Привыкли думать люди, если слышать рѣчь,
Что подъ словами что-нибудь и мыслить можно.

Если только противникъ тайнѣ сознаетъ свою слабость и привыкъ слушать много такого, чего не понимаетъ, все-таки дѣлать видъ, будто понимаетъ, ему можно импонировать съ серьезнымъ видомъ, неся ему ученую или глубокомысленно звучащую бессмыслицу, отъ которой у него зайдутся и слухъ, и зрѣніе, и мысли; это можно выдавать за безспорное доказательство собственного тезиса. Извѣстно, что послѣднее время нѣкоторые нѣмецкіе философы примѣняли эту уловку съ самымъ блестящимъ успѣхомъ относительно-

но всей нѣмецкой публики. Но такъ какъ ехемпла были бы odiosa, то мы сошлемся на болѣе старый примѣръ приводимый Голдсмитомъ (*Vicar of Wakefield* p. 30).

Уловка 35. (Которая должна бы стоять одной изъ первыхъ). Когда противникъ въ сущности правъ, но изъ счастья выбираетъ плохое доказательство, намъ легко бываетъ опровергнуть это доказательство, и мы выдаемъ это за опроверженіе самой сущности. Въ существѣ это сводится къ тому, что мы выдаемъ аргументъ ad hominem за аргументъ ad rem. Если противнику или присутствующимъ не придетъ въ голову настоящаго доказательства, мы побѣдили, напримѣръ, если кто-нибудь, доказывая бытіе Божіе, приведетъ онтологическое доказательство, которое легко опровергнуть. Вотъ путь, благодаря которому плохіе адвокаты проигрываютъ хорошія дѣла: они хотятъ оправдать ихъ закономъ, который къ нимъ не примѣнимъ, а подходящаго не находятъ.

Заключительное замѣчаніе: между споромъ in colloquio privato s. familiari и disputatio solemnis publica нѣтъ существеннаго различія кромѣ развѣ того, что въ послѣднемъ случаѣ требуется, чтобы отвѣчающій (Respondens) непременно оказался правъ противъ возражающаго (Opponents) и потому въ случаѣ нужды председательствующій (Praeses) бросается ему на помощь; кромѣ того здѣсь аргументируется болѣе формально, причемъ аргументы охотно облачаются въ форму строгаго вывода.

Последняя уловка. Когда замечаешь, что противник силенъ, будь съ нимъ личенъ, оскорбительнъ и грубъ. Первое состоитъ въ томъ, чтобы отойти отъ предмета спора (такъ какъ здѣсь игра проиграна) и, перейти къ спорящему, такъ или иначе напасть на его личность. Это можно бы назвать *argumentum ad personam*, въ отличие отъ *argumentum ad hominem*: послѣдній аргументъ исходить изъ объективнаго предмета, чтобы держаться того, что противникъ о немъ сказалъ или допустилъ; при обращеніи же къ личности предметъ совершенно покидается и нападеніе направляется на личность противника, къ нему относятся оскорбительно, злобно и грубо. Это—обращеніе отъ силъ духовныхъ къ силамъ тѣлеснымъ или животнымъ. Правило это излюбленное, такъ какъ всякій способенъ къ исполненію его, и потому оно часто примѣняется. Спрашивается: какое правило можно указать противъ него для противной стороны? такъ какъ, если она захочетъ прибѣгнуть къ тому же самому, то изъ этого выйдетъ драка, поединокъ или процессъ объ оскорбленіи.

Было бы весьма ошибочно думать, что достаточно самому не переходить въ личности. Показывая кому-нибудь совершенно спокойно, что онъ не правъ, и следовательно ошибочно судить и думать, а это бываетъ при каждой діалектической побѣдѣ, его озлобляетъ больше, чѣмъ грубымъ, оскорбительнымъ выраженіемъ. Почему? потому что какъ, говоритъ Гоббесъ, (*De Cive* Cap. 1). *Omnis animi voluptas omnisque*

alacritas in eo sita est, quod quis habeat, quibuscum conferens se, possit magnifice sentire de se ipso.—Для человѣка нѣтъ ничего выше удовлетворенія его тщеславія, и ни одна рана не болитъ больше той, которая нанесена ему. (Отсюда происходятъ обороты рѣчи въ родѣ—честь дороже жизни и т. д.). Удовлетвореніе тщеславія возникаетъ главнымъ образомъ изъ сравненія себя самого съ другими во всѣхъ отношеніяхъ, но особенно въ отношеніи духовныхъ силъ. И это происходитъ дѣйствительно и въ очень сильной мѣрѣ во время спора. Отсюда озлобленіе побѣжденнаго, хотя бы съ нимъ и не были несправедливы: вотъ отчего онъ хватается за послѣднее средство, за эту послѣднюю уловку, которой нельзя избѣгнуть съ помощью простой вѣжливости. Большое хладнокровіе можетъ однакоже помочь и здѣсь, слѣдуетъ, какъ только противникъ переходитъ въ личности, отвѣтить, что это къ дѣлу не относится, и, тотчасъ же возвратившись къ предмету, продолжать доказывать ему, что онъ не правъ, не обращая вниманія на его оскорбленіе, т. е. сдѣлать нѣчто въ родѣ того, что Демистоклъ говоритъ Эврибиду: *πάταξον μέν, ἄκροισον δέ.* („Ударь, но все таки выслушай!“) Но это не каждому дано.

Поэтому единственное вѣрное правило здѣсь то, которое указываетъ уже Аристотель въ послѣдней главѣ *Torica*: не спорить съ первымъ встрѣчнымъ, а только съ тѣмъ, о комъ знаешь, что у него до-

статочно разсудка, чтобы не высказать чего-нибудь настолько нелѣпаго, что потомъ онъ долженъ будетъ стыдиться; съ тѣмъ, кто можетъ спорить основаніями, а не сентенціями, выслушивать доводы, и вникать въ нихъ, и наконецъ съ тѣмъ, кто цѣнитъ истину, охотно выслушиваетъ доводы даже отъ противника и достаточно справедливъ, чтобы быть въ состояніи, оказавшись неправымъ, вынести это, если истина на противоположной сторонѣ. Отсюда слѣдуетъ, что изъ ста едва одинъ стоитъ того, чтобы съ нимъ спорить. Что касается остальныхъ, то пусть они говорятъ, что угодно, такъ какъ *desipere est juris gentium*, и слѣдуетъ подумать надъ тѣмъ, что говорить Вольтеръ: *«la paix vaut encore mieux que la verité»* и чему учить одна арабская пословица: «на деревѣ молчанія виситъ плодъ его—миръ».

П Р И Б А В Л Е Н І Е.

О значеніи логики и о рѣдкости разсудка.

Я полагаю, что логика имѣетъ исключительно теоретическій интересъ для изученія сущности и правильного хода дѣятельности разума и потому должна быть только аналитикою, а не діалектикою. Практической пользы для болѣе правильного мышленія и изысканія истины она совершенно лишена и даже въ спорахъ, знаніе діалектики едва ли поможетъ, и тотъ, кто одаренъ природнымъ остроуміемъ и развилъ его прилежнымъ упражненіемъ, всегда одолѣетъ того, кто изучилъ только діалектическія правила. Тотъ, кто захотѣлъ бы изощриться въ спорѣ, достигъ бы этого скорѣе прилежнымъ чтеніемъ діалоговъ Платона, изъ которыхъ многіе представляютъ прекрасные образчики діалектической ловкости, особенно тамъ, гдѣ Сократъ ставитъ ловушки софистамъ и потому затягиваетъ петлю, чѣмъ посредствомъ изученія діалектическихъ сочиненій Аристотеля, такъ какъ его правила всегда слишкомъ далеки отъ каждаго даннаго отдѣльнаго случая, чтобы можно было примѣнить ихъ,

и для того чтобы подбирать их и приравливать къ случаю нѣтъ времени.

Логика можетъ привести только къ формальной истинѣ, а не къ матеріальной. Она предполагаетъ понятія данными и учитъ лишь тому, какъ правильно обращаться съ ними; приче́мъ она всегда остается въ сферѣ понятій; но дѣйствительно ли есть *in rebus natura* вещи, соответствующія этимъ понятіямъ, относятся ли понятія къ дѣйствительнымъ вещамъ, или же только произвольно вымышленнымъ, это ея не касается; поэтому при самомъ строгомъ и правильномъ мышленіи можетъ не быть никакого истиннаго содержанія и оно можетъ вращаться около совершенныхъ химеръ. Такъ это было въ схоластикѣ, такъ это бываетъ во многихъ очень тонкихъ разсужденіяхъ, при произвольныхъ предположеніяхъ, особенно въ философіи.

Выводить сужденія изъ сужденій—вотъ все, чему учитъ логика и все, что можетъ сдѣлать разумъ въ отдѣльности, предоставленный себѣ самому; но для того, чтобы сдѣлать это правильно и безошибочно, онъ не нуждается ни въ какой наукѣ о законахъ своей дѣятельности, а дѣйствуетъ правильно, совершенно самостоятельно, какъ только предоставленъ самому себѣ. Ужасно было бы думать, что логика можетъ имѣть практическую пользу и можетъ научить правильному мышленію; тогда пришлось бы допустить, что тотъ, кто еще не изучалъ логики,

находится въ опасности мыслить противорѣчія или допустить, что между противорѣчивыми положеніями возможно третье, или признать правильность заключенія вродѣ того, что

Всѣ гуси имѣютъ двѣ ноги.

Кай имѣетъ двѣ ноги.

Кай есть гусь.

Пришлось бы допустить, что только изъ логики онъ узнаетъ, что такъ мыслить и заключать нельзя. Тогда конечно логика была бы очень полезна, но человечеству пришлось бы плохо. На дѣлѣ разумѣется это и не такъ, но совершенно не точно говорить о *логикѣ* тамъ, гдѣ разумѣешь *здравый умъ*. Приходится иногда читать похвалы писателю въ родѣ того, что: «въ сочиненіи много логики», вмѣсто «оно содержитъ правильныя сужденія и выводы» или слышишь: «ему бы слѣдовало прежде поучиться логикѣ», вмѣсто «ему бы слѣдовало поработать умомъ и подумать, прежде чѣмъ писать».

Человѣкъ здоровый совсѣмъ не рискуетъ заключать ошибочно, но весьма подверженъ опасности судить неправильно. Ошибочныхъ сужденій множество, ошибочныя заключенія, дѣлаемая серьезно, весьма рѣдки, они могутъ зависѣть только отъ торопливости и тотчасъ же исправляются при размышленіи.

Здравый разумъ настолько же всеобщъ, насколько рѣдко правильное и тонкое сужденіе. Но логика даетъ

указанія только того, какъ слѣдуетъ заключать, т. е. какъ обращаться съ сужденіями уже готовыми, а не того, какъ получить первоначально эти сужденія. Возникновеніе ихъ лежитъ въ наглядномъ познаніи, которое находится внѣ сферы логики. Сужденіе переноситъ наглядное познаніе въ абстрактное и на это у логики нѣтъ правилъ. Въ заключеніи никто не ошибется, потому что оно состоитъ только въ томъ, что тамъ, гдѣ ему даны всѣ три термина, оно правильно опредѣляетъ ихъ отношеніе, въ этомъ никто не ошибается. Но трудность и опасность ошибки лежитъ въ установленіи посылокъ, а не въ извлеченіи изъ нихъ заключенія: послѣднее дѣлается необходимо и само собою. Другое дѣло отысканіе посылокъ, а здѣсь покидаетъ насъ логика, отыскать сначала *propositio* *maior* дѣло рефлектирующаго разсудка, напримѣръ, сказать «всѣ животныя, имѣющія легкія, имѣютъ голость», въ вторыхъ, найти *terminus medius* есть дѣло субсумирующаго разсудка, а именно найти то отношеніе, благодаря которому предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, подходитъ подъ правило, слѣдовательно, сказать «лягушки животныя, имѣющія легкія». Если сужденія эти правильны и находятся налицо, то выводъ заключенія есть дѣтская игра, а къ нему только относятся логическія правила. Правильность сужденій логикой представляется разсудку, и въ этомъ вся трудность. Итакъ, нечего бояться ложныхъ заключеній, а только ложныхъ сужденій, какъ это и подтверждается опытомъ.

Не только рефлектирующий разсудокъ, которому мы обязаны всѣми великими открытіями и важными истинами, оказывается исключеніемъ въ отдѣльных лицахъ и совѣсть не принадлежитъ человѣку вообще, но даже разсудокъ только субсумирующий, имѣющій уже правило, понятіе, абстракцію и массу отдѣльных случаевъ, данныхъ ему наблюденіемъ, задача котораго состоитъ только въ томъ, чтобы убѣдиться, подходятъ ли эти случаи подъ правило — даже этотъ субсумирующий разсудокъ едва можно приписать обыкновенному человѣку, по крайней мѣрѣ у большинства онъ чрезвычайно слабъ. Мы видимъ, что сужденіе ихъ, даже тамъ, гдѣ оно не совершенно подкуплено личнымъ интересомъ, какъ это бываетъ большею частью, основывается только на авторитетѣ, они идутъ по слѣдамъ другихъ, повторяютъ то, что отъ другихъ слышали и одобряютъ и порицаютъ только по чужому примѣру. Если раздаются аплодисменты, они тоже аплодируютъ, если свистки, то свистятъ и они. Если они видятъ, что за кѣмъ-нибудь бѣгутъ, бѣгутъ и они не спрашивая: отчего? Если они видятъ кого-нибудь покинутымъ, они боятся подойти къ нему. Въ жизни большинства людей можетъ быть нѣтъ ни одного случая, о которомъ можно бы сказать, что они опредѣлили его и рѣшились только на основаніи собственного разсудка. Они похожи на овецъ, идущихъ за ведущимъ ихъ бара-

номъ: если онъ перепрыгнулъ черезъ плетень или черезъ ровъ, всѣ онъ прыгаютъ также, если онъ обошелъ его, всѣ обходятъ. Еслибы этого не было, то чѣмъ объяснить, что каждая новая, освещенная собственнымъ свѣтомъ, вооруженная вѣчною силой, истина, при своемъ появленіи, не смотря на это, каждый разъ должна выдерживать такое мощное сопротивление со стороны стараго заблужденія? Изучите исторію наукъ и вы увидите, какой богатырскій бой должна была выдержать каждая новая важная истина при своемъ появленіи. Сначала къ ней совершенно глухи, на нея совершенно не обращаютъ вниманія, затѣмъ ей противопоставляется съ триумфомъ идолъ стараго заблужденія, чтобы она окаменѣла передъ нимъ, какъ передъ головой Горгоны. А такъ какъ она этого не дѣлаетъ, то противъ нея поднимается всеобщій крикъ, ее отрицаютъ и осуждаютъ. Какъ же, несмотря на это, она одерживаетъ верхъ? Благодаря тому, что съ теченіемъ времени ее признаютъ отдѣльные люди, одаренные разумомъ, несмотря на толпу, сами откуда-либо получаютъ авторитетъ и въ концѣ-концовъ ихъ сужденіе опредѣляютъ толпу, но это дѣлается очень медленно и обыкновенно результатъ получается уже тогда, когда сдѣлавшій открытіе уже окончилъ свое мученичество и отдыхаетъ отъ своей горькой работы. Если хотите примѣровъ, вспомните исторіи Коперника и Галилея, прочтите исторію открытія кровообращенія Гарвеемъ и признаніе его тридцать

лѣтъ спустя. Вся исторія литературы всюду показываетъ намъ то же, насколько одаренъ разумомъ обыкновенный человѣкъ. Или хотите можетъ быть новый примѣръ, постепенное движеніе и развитіе котораго, вѣроятно, всѣ вы еще переживаете, такъ какъ у васъ еще много времени впереди,—это теорія красокъ Гёте; въ ней величайшій изъ людей, котораго въ теченіе столѣтій произвела Германія—Гёте опровергаетъ, самымъ яснымъ, убѣдительнымъ и доступнымъ образомъ старое заблужденіе Ньютоньянской теоріи красокъ. Книга его лежитъ десять лѣтъ; съ тѣхъ поръ я и еще немногіе признали ея истину и открыто засвидѣтельствовали о томъ. Остальной ученый міръ осудилъ ее и крѣпко держится стараго Ньютоньянскаго символа вѣры. Своимъ отношеніемъ къ этому вопросу онъ готовитъ потомству прекрасные анекдоты. Такъ мало разумомъ принадлежитъ къ существеннымъ свойствамъ человѣка какъ таковаго.

Самые громкіе крикуны—ведущіе бараны. Благодаря этому могутъ существовать литературные журналы, посредствомъ которыхъ люди позволяютъ составлять сужденіе неизвѣстнымъ лицамъ, которыя достаточно безстыдны, чтобы являться непризванными судьями и достаточно трусливы, чтобы нападать анонимно, на книги написанныя не анонимно; и люди позволяютъ напередъ навязывать себѣ эти сужденія! Такимъ образомъ оказывается, что вѣнги славы у современниковъ раздаютъ журналисты, вѣнки, которые остаются зелены, пока не

вышелъ изъ обращенія годъ журнала. Но вѣчно зеленые вѣнки, украшенные не сусальнымъ золотомъ рождественскихъ елокъ, а настоящимъ—вѣнки, которые не увядаютъ и передъ которыми одно за другимъ проходить столѣтїя, эти вѣнки раздаются не журналистами.

Недостатокъ разсудка, замѣняемаго большею частью кляукою чужаго авторитета, имѣетъ еще, кромѣ того, положительнаго внутренняго врага въ собственной волѣ и склонности. Воля всегда есть тайный противникъ интеллекта. Поэтому чистый разсудокъ и чистый разумъ означаютъ такой разсудокъ и разумъ, которые свободны отъ какаго бы то ни было влїянїя воли, т. е. склонности, и слѣдуютъ только собственнымъ законамъ.

Поэтому я прежде всего дамъ вамъ правило, что вамъ нужно дѣлать, когда вы хотите убѣдить кого-нибудь въ истинѣ, находящейся въ прямомъ противорѣчїи съ заблужденїемъ, котораго онъ крѣпко держится и слѣдовательно съ его интересами. Интересъ этотъ или матеріальный, т. е. содержаніе заблуждений составляетъ его выгоду, какъ напримѣръ, если онъ имѣетъ много крѣпостныхъ, а вы хотите доказать ему варварство крѣпостнаго права, или же только формальный, т. е. онъ держится ошибочнаго мнѣнїя только потому, что однажды принять это мнѣнїе, а никто не допускаетъ охотно доказательства ошибочности своихъ мнѣній. Въ такихъ случаяхъ правило

легко и естественно и не смотря на это рѣдко соблюдается. Вотъ оно: надо пустить впередъ посылки, а заключеніе должно слѣдовать. Обыкновенно поступаютъ наоборотъ. Изъ горячности, поспѣшности и желанїя быть правымъ во что бы то ни стало, мы съ трескомъ выкрикиваемъ заключеніе передъ тѣмъ, кто держится противоположнаго заблужденїя. Благодаря этому, онъ сейчасъ же закусываетъ удила, направляетъ свою волю противъ всѣхъ основанїй и посылокъ, которыя мы потомъ представляемъ и о которыхъ онъ уже знаетъ, къ какому ненавистному для него заключенію они приведутъ. Такимъ образомъ все испорчено. Согласно же нашему правилу, мы должны, напротивъ того, держать заключеніе совершенно *in petto*, изолировать его и выставлять только посылки, по за то полно, ясно и всесторонне. Заключеніе же совсѣмъ не надо высказывать, а предоставить вывести его тому, кого хочешь убѣдить. Онъ сдѣлаетъ это поздное, втайнѣ, самъ для себя и съ тѣмъ большею правдою. Онъ тогда легче допустить истину, такъ какъ ему не будетъ стыдно что его убѣдили, а онъ будетъ гордиться, что самъ убѣдился. Такъ тихо должна выступать истина между людьми. Болѣе того въ торжественныхъ и опасныхъ случаяхъ, гдѣ рискованно противорѣчить освященному заблужденію, недостаточно не высказывать и прикрывать заключеніе; можно даже вывести совершенно ложное заключеніе,

вполнѣ согласное съ освященнымъ заблужденіемъ,
когда послышки уже вполнѣ установлены.

Antony: Yes, Brutus says he was ambitious,
And Brutus is an honorable man.

Какъ бы ни былъ очевиденъ обманъ, онъ замѣчается не сразу, такъ какъ люди слишкомъ крѣпко охвачены заблужденіемъ. Только постепенно сами они выводятъ правильное заключеніе, потому что основаніе познанія также какъ и всякое основаніе необходимо влечетъ за собою свое послѣдствіе и истина выходитъ наружу. (Такъ поступалъ Кантъ). Та-кими тропинками должна идти истина въ этомъ мірѣ.